

В такой холодный день меня бросило в жар от страха, на висках выступил пот. У Миньчжи сказал что-то ещё, и его люди вдруг спешили, сделали несколько шагов вперёд и плотно окружили нас с ним кольцом из белеющих лезвий. Они все ухмылялись, оскаливаясь крупными жёлтыми зубами. Несмотря на нарядные одежды и упитанных коней, их рты, полные вязкой слюны, напоминали пасти голодных волков.

У Миньчжи снова улыбался мне.

Но улыбка его долго не продержалась. Снаружи снова раздался топот копыт — на сей раз ещё более частый и густой. Он нарастал, как раскаты грома, волна за волной, словно прибой, бьющий о берег.

Я привстала в стременах, взглянула в ту сторону и вдалеке увидела впереди скачущего юношу в княжеских одеждах. Сейчас в империи Тан был лишь один князь такого возраста — Ли Жуй. На лице моём расцвела улыбка. «Двоюродный брат, — обратилась я к У Миньчжи, — твои действия можно считать угрозой принцессе?»

Выражение лица У Миньчжи не изменилось. Он лишь усмехнулся: «Это сяньбийский обычай, знак почтения, а не угрозы. Они отдают тебе должное.» Он сделал едва заметный жест, и его слуги мгновенно вложили мечи в ножны, вскочили в седла и умчались в другую сторону. У Миньчжи тоже развернул коня, оглянулся вдаль и спросил с улыбкой: «Это твои люди или люди шестого принца?» Я последовала его взгляду и увидела Вэй Хуань, скачущую рядом с Ли Жуюем в одеянии служанки и указывающую в мою сторону. Вне себя от ярости, я обернулась, но У Миньчжи уже был далеко.

Ли Жуй привёл с собой не меньше двух-трёх сотен человек. Остановившись передо мной, он спросил: «Говорят, ты хотела со мной посоревноваться в охоте?» А потом добавил: «Кто это был? Почему вокруг тебя столпилось столько народу? И почему они разбежались, увидев меня?»

Я взглянула на Вэй Хуань и понизила голос: «Это У Миньчжи.»

Ли Жуй изумился: «У Миньчжи? Что он здесь делает?»

Я заметила, что он, кажется, хорошо с ним знаком, и поспешила спросить: «Какое у него сейчас положение? Он вёл себя так нагло, даже не поклонился мне.»

Ли Жуй ответил: «Ты тогда была мала, неудивительно, что не помнишь. Его сослали в Миньчжоу на должность цыши за непочтительность к наследному принцу, да ещё и триста податных дворов отобрали. Не знаю, как он умудрился вернуться в этом году.»

Ли Жуй не знал, но я-то знала: история с непочтительностью к наследному принцу была всего лишь предлогом. Наверняка всё дело было в том, как он вёл себя со мной тогда, а может, и в происшествии на похоронах бабушки. Когда мы пришли выразить соболезнования, на лице У Миньчжи не было и тени скорби, а под траурной одеждой он носил пурпурные туфли с вышитыми золотыми утками. Ли Шэн тогда даже пошептался с нами об этом, но сейчас это уже не имело значения. Я лишь сказала Ли Жую: «Он только что вёл себя со мной крайне непочтительно и даже угрожал оружием. Брат, пойдём, расскажем матушке.»

Ли Жуй не ожидал, что в заповеднике найдётся столь наглый человек, и на мгновение остолбенел, а затем рассвирепел: «Этот скот совсем обнаглел! Пойдём, Сыцзы, я проведу тебя к отцу и матери.» С этими словами он первым направился ко дворцу. Я тоже развернула коня и поскакала следом, но, проезжая мимо Вэй Хуань, почувствовала, как она схватила мои поводья.

Сила у неё была богатырская — она намертво остановила мою лошадь. Я обернулась к ней с улыбкой: «Спасибо за помощь. Вернусь от матушки — обязательно отблагодарю.»

Вэй Хуань сверкнула на меня глазами: «Думаешь, я за твоей благодарностью гоняюсь?»

Видя её недовольство, я поспешила ответить: «Конечно нет, я просто хотела сказать заранее. А задержала ты меня для чего?»

Услышав шутливый тон, Вэй Хуань снова бросила на меня сердитый взгляд и спросила: «Платок с собой? Вытри пот со лба, а то простудишься, и госпожа Ян опять на меня пенять будет.»

Я ответила: «Сейчас вытирать нельзя. Если вытру, как матушка узнает, какой ужас я пережила?» С этими словами я нарочно растрепала одежду. Вэй Хуань лишь презрительно фыркнула: «По-моему, тебе лучше попросить князя Цзи избить его, покалечить руку или ногу — и дело с концом. А то без доказательств, даже если дойдёшь до самого императора, вряд ли что-то выйдет.»

Я не поняла: «Он же явно угрожал мне мечом. Ты и шестой принц сами видели. Какие ещё доказательства нужны?»

Вэй Хуань усмехнулась: «Не веришь — сама попробуй.»

Её уверенный тон заставил меня призадуматься, но я всё же решила сначала поговорить с матушкой. Видя моё упрямство, Вэй Хуань скривила губы: «Ну, если уж решила идти, вот тебе совет: приведи себя в порядок, предстань перед Её Величеством и просто расскажи, что было, ничего не приукрашивая. Её Величество мудра, сама разберётся, где правда, где кривда.»

Я рассмеялась: «Выходит, всё равно велела пот вытереть. Не бойся, я не такая хрупкая.» Только я это произнесла, как налетел ледяной ветер, и я, едва сдержав чихание, вся вздрогнула. Вэй Хуань ловко скинула свою накидку и набросила на меня, а сама пришпорила коня и помчалась вдогонку за Ли Жуем.

Добравшись до главного зала дворца, я обнаружила, что опоздала. Свита У Миньчжи уже ждала у входа. На сей раз никто не говорил о «сяньбийских обычаях» — все стояли смиренно по одну сторону, сложив оружие. Предводитель их даже беседовал с другими слугами у дверей.

Ли Жуй и я переглянулись — оба понимали, что дело принимает скверный оборот. Я невольно взглянула на Вэй Хуань, и Ли Жуй последовал моему примеру. Вэй Хуань беззвучно шевельнула губами: «Говори правду.» Ли Жуй удивился: «А если он опять заведёт песню про сяньбийские обычаи?»

Я сказала: «Брат, сначала послушай А-Хуань.»

Ли Жуй был недоволен, и я потянула его за рукав: «Если матушка не накажет его, мы сами найдём, как ему всыпать. Неужели мы вдвоём не справимся с каким-то У Миньчжи?»

Ли Жуй ответил: «Ты сама это сказала. Если матушка всё спустит на тормозах, потом на меня не сердись.»

Я успокоила его: «Не волнуйся, не буду.» С этими словами я подвела его к двери и велела привратнику доложить о нас. Не прошло и мгновения, как изнутри донёсся голос матери: «Входите.»

Мы оба поправили одежду и неспешно вошли. Этот главный зал, хоть и назывался «залом», сильно отличался от столичных дворцов. Внутри несколько больших покоев объединялись в единое пространство, окружённое внутренним двором, а за двором находился вход, где мы только что ждали.

Проходя через двор, мы с Ли Жуем заметили по обеим сторонам два-три десятка ледяных фонариков. В каждом было вырезано окошко, затянутое разноцветным шёлком с вырезными узорами, а внутри стояли свечи. Свечи ещё не зажгли, но уже по одному виду фонариков можно было представить, как они заиграют всеми цветами, когда их зажгут.

Ли Жуй и я замерли, любуясь ими. На ступенях внутренних покоев нас встретил Гао Яньфу. Видя наш интерес, он улыбнулся: «Это фонари, поднесённые Её Величеству князем Чжоу.»

Лио Ли Жуя потемнело. Он отвернулся и решительно зашагал внутрь.

Взглянув на его лицо, а затем на У Миньчи, который вышел на ступени и улыбался нам, я поняла, кто такой этот «князь Чжоу». Сердце моё упало. Я последовала за Ли Жуем внутрь и обнаружила матушку сидящей у пруда, закутанной в верхнюю одежду, с распущенными волосами.

Матушка, казалось, только что вышла из воды. На ней была лишь фиолетовая рубашка из узорчатого шёлка и лёгкая жёлтая накидка. Увидев нас, она медленно поднялась с края пруда. Ваньэр уже поднесла ей чёрные туфли, расшитые золотом, и, преклонив колени, помогала обуться. Ваньэр была определена матушкой для ведения записей, и подобные мелочи обычно не входили в её обязанности. Однако с тех пор, как матушка спросила её о «Хань-цзы», она стала служить ещё усерднее и почтительнее, лично занимаясь всем — от одежды до еды и чая. Матушка была весьма довольна таким рвением и в последнее время всё чаще держала её при себе.

<http://bllate.org/book/16278/1466006>